

древние традиции и различные культурные пласты, которые определяют истоки коми-пермяцкой культуры.

В третьей главе наиболее удачными являются последние разделы, говорящие о культурных достижениях коми-пермяцкого народа за годы советской власти. Этнографические темы: «Орудия труда и средства передвижения коми-пермяков», «Типы населенных пунктов и одежда» страдают серьезными недостатками. Материал в этих разделах изложен подчас крайне бессистемно и не только не анализируется автором, но и недостаточно хорошо описан.

Однако, несмотря на то, что книга содержит много спорных вопросов и привлеченный автором материал не всегда убедителен, работа все же является положительным вкладом в дело изучения народа коми и первым крупным исследованием по коми-пермякам, вышедшим в советское время.

В. Н. Белицер

В. Базанов, *Народная словесность Карелии*, Государственное издательство Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, 279.

Советская наука «не отгораживается от народа, а готова служить народу» (Сталин). Помимо научных исследований, в нашей стране издается большое число книг научно-популярного характера. К их числу принадлежит рецензируемая книга В. Г. Базанова. Автор ставит своей задачей познакомить читателя с поэтическим прошлым Карелии, с фольклором Карело-Финской ССР, если не во всем его объеме, то в основных его жанрах. В книге, однако, речь идет только о русском фольклоре, бытующем в пределах Карело-Финской ССР. Таким образом заглавие книги не соответствует ее содержанию. Автор допускает и другую неточность, смешивая термины «Карелия» и «Олонец». Известно, что Карело-Финская ССР включает в свой состав б. Олонецкую губернию и ни в коей мере не равна последней ни в географическом, ни в фольклорном отношении. Вдобавок, термин «Олония» может быть просто непонятен современному читателю. Заглавие книги не отвечает и на вопрос, о какой народной словесности Карелии — дореволюционной или современной — говорит автор? Правда, об этом можно узнать из предисловия. Автор собирается познакомить читателя с поэтическим прошлым Карелии. Но В. Г. Базанов сам выходит за рамки своих задач. Он не может показать народную словесность, не затрагивая современного материала. Современность врывается в повествование, советский фольклор властно заявляет о своем существовании. Поэтому автор говорит о советских фольклористах, об их работе, приводит примеры советских сказок, анализирует творчество Коргуева, Господарева и других мастеров. Автор правильно сделал, включив их в свой обзор. Но он остановился на этом и тем самым механически отделял традиционный фольклор от современного, не показав **качественного отличия первого от второго.**

Недостаточное внимание к современному фольклору привело автора и к неполному решению вопроса о современном состоянии былевого эпоса. Автор утверждает, что былины потеряли свое прежнее значение, что они «живут больше в поэтическом сознании отдельных сказителей, нежели в массовом устном бытовании» (стр. 38). Так поставленный вопрос о судьбах традиционных былин может привести к выводу об умирании эпоса — положению, с которым нельзя согласиться. Проблему современного бытования былин следует рассматривать параллельно с изучением зарождения новых эпических форм, в частности стихотворного сказа.

Из предисловия автора следует, что основными жанрами русского фольклора Карелии являются былины, плачи и сказки. Народная лирическая песня, как и частушка и другие жанры устной поэзии, выпала из поля зрения автора. Песня, один из основных жанров народного творчества, пронизывает собой всю жизнь русского народа; об этой песне автор не говорит ни слова. Создается ложное впечатление, будто творчество Севера только эпично, будто лирическая струя на Севере отсутствует.

Несмотря на все перечисленные недостатки, книга В. Г. Базанова представляет собой значительное явление в области научно-популярной литературы. Несомненный интерес вызывает уже первый раздел книги «Открытие Исландии русского эпоса», посвященный одному из наименее исследованных вопросов русской фольклористики и связывающий изучение фольклора в Карелии с декабризмом. Автор на широком историческом фоне показывает деятельность декабристов Ф. Глинки, С. Раевского и других собирателей, прослеживает отношение декабристов к изучению народного творчества. Живо, занимательно и вместе с тем научно автор раскрывает деятельность П. Н. Рыбникова в Карелии, показывает значение передовых идей революционных демократов (Н. А. Добролюбова) для собирательской практики и для теоретических обобщений. В науке впервые в таком широком плане показывается связь декабризма с изучением фольклора. Весь этот раздел следует отнести к числу несомненных удач книги. На примере работ П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга автор вскрывает одну из характерных черт русской фольклористики — неразрывную связь собирательской и исследовательской деятельности. Изложение еще больше выиграло бы, если бы автор показал дальнейшее развитие и углубление этой связи, так настойчиво требующей революционными демократами, в работах советских ученых, тем более, что в

буржуазной западноевропейской фольклористике наблюдается противоположное явление — разграничение сферы изучения от собирательской практики. Некоторые места первого раздела требуют разъяснения. Непонятно, например, почему автор причисляет Свириденко к «нигилистам» (стр. 35); не раскрыто до конца отношение П. Н. Рыбникова к делению богатырей на новгородских и киевских (предложенному О. Ф. Миллером): Рыбников не соглашается с О. Миллером, но выделяет в былинах владимирский и новгородский циклы. Некоторые вопросы автор решает слишком категорично и неверно; таково утверждение, что плачи — это «наиболее социальный жанр поэзии» (стр. 26). Трудно с этим согласиться: все жанры фольклора — жанры социальные. Это положение автора выглядит тем более спорным, что на 47-й стр. автор таким наиболее социальным жанром считает уже не плач, а былинку. Следует отметить также некоторую неясность терминов, например «социально-материалистический метод» и «земская поэзия» (стр. 47 и 59).

Второй раздел книги «Былинный эпос и народные предания» — самый большой по объему. В нем раскрывается богатство эпической традиции Карелии. Автор дает краткую, но запоминающуюся характеристику сказителей былин, ставит вопрос о современном состоянии былинного эпоса и раскрывает художественное своеобразие олонечных былин. Интересен привлекаемый автором забытый фактический материал из местной печати. В частности, побывавщина об Илье Муромце, путешествующем по Карелии, счень ярко иллюстрирует раздел о местных мотивах в былинном эпосе. Пересказы былин органически переплетаются с анализом эпических образов. Особенно привлекает внимание разбор автором образа Ильи Муромца, на примере которого В. Г. Базанов анализирует одну из самых значительных проблем литературы и фольклора — проблему положительного героя. Однако ряд положений сформулирован неточно. Вызывает сомнение ничем не подтвержденное мнение автора, что былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — наиболее ранняя (стр. 96). Читателю неясно: является ли эта былина наиболее ранней в кругу былин об Илье Муромце или же она самая ранняя вообще из всех былинных сюжетов. Среди тех причин, которые обусловили популярность образа Ильи Муромца, автором не учтен лубок и его роль в популяризации сюжета. Илья и Соловей — одна из самых древних лубочных тем. Постоянное воздействие лубочной традиции в течение почти двух веков не могло не повлиять (и действительно повлияло) на популярность образа Ильи в фольклоре. Эта причина, конечно, не решающая, но устранять ее из сферы анализа едва ли есть основание. Точно так же и характеристика богатыря Лукопера (стр. 246) могла попасть в сказку не только из быliny, но из рукописи и из лубка, в котором она часто встречается.

Небольшой экскурс посвящен историческим песням. Включение их в данный раздел вполне оправдано: поэтика, система образов исторических песен, характер разветвления сюжета, идейная сущность образов и т. д. находятся в тесной связи с былинами. Однако народные предания включены в этот раздел без достаточных оснований. В. Г. Базанов сам указывает на связь преданий со сказками, на то, что предания «не нашли былинно-эпического освещения», что они «начинают граничить с прозаическим сказочным эпосом» (стр. 134—135). Более целесообразным поэтому было бы рассматривать их вместе со сказками, тем более что последним посвящен специальный раздел книги.

Раздел «Воплсницы и их поэзия» открывается главой «Из прошлого русской причетности». В центре внимания автора творчество талантливого народной плачел Ирины Федосовой. Ее современники широко откликнулись на появление в печати записанных от нее причетаний¹. Однако из многочисленных и разнообразных по своему направлению рецензий и статей, появившихся на сборник причетаний Федосовой, в книге использованы только две рецензии — Л. Майкова и Н. Баталлина. Разбор рецензии Н. Баталлина, оценивавшего плачи Федосовой с позиций мифологической школы, вполне своевременен, так как направлен не только против мифологов XIX в., но и против современных западноевропейских неомифологов, сводящих фольклор к пережиткам старины. Базанов указывает, что самая высокая и правильная оценка творчества И. Федосовой была сделана А. М. Горьким, противопоставившим ее творчество творчеству русских декадентов, «дающих звук без содержания». Разбирая «образы-мотивы» похоронной причетности, автор вскрывает их связь с народными верованиями, но не всегда эта связь прослеживается им вполне четко. В частности, трудно согласиться с тем, что мотив причетности о невозможности возвращения умершего является по своему происхождению более поздним и возникает «путем отрицания прежних верований». Совершенно неожиданно в анализ плачей Федосовой вклинивается раздел о рекрутской причетности. Некоторая механичность такого включения портит впечатление от очень стройной и интересной в целом главы. Если автор хотел показать все многообразие творчества Федосовой, он должен был привлечь и свадебные плачи, однако он их не затрагивает. Разбирая повествовательный элемент в плачах Федосовой, автор справедливо ставит вопрос о композиции причетности, состоящей из отдельных плачей. Следовало бы несколько углубить анализ и показать, что повествовательный элемент в плачах проявляется в большей степени в тех его мотивах, которые посвящены изображению осиротевших людей, а не изображению умершего.

¹ Е. В. Барсов, Причитания Северного края, т. I, М., 1872.

В. Г. Базанов характеризует творчество еще двух воплощниц — Н. С. Богдановой и А. М. Пашковой. Характеристики их очень кратки и схематичны. Эта краткость наряду с общим замыслом автора послужила причиной того, что ряд существенных проблем остался неразрешенным. В частности, ничего не говорится о современном творчестве Пашковой, о ее плачах-сказах, явившихся новым этапом в развитии жанра. Глава заканчивается разделом о мотивах причеты в поэме Некрасова; раздел в основной своей части повторяет выводы Кубикова в его комментариях к поэме «Кому на Руси жить хорошо». Более интересны заключительные исследования автора о возможности отражения деятельности П. Н. Рыбникова в образе Павла Веретенникова из той же поэмы.

По сравнению с былинной и причетью сказке уделено в книге сравнительно небольшое место. Прослеживается история изучения сказки от петрашевца Баласогло до работ советских фольклористов включительно. В. Г. Базанов критически разбирает вышедшие сборники сказок и работы по сказке; очень верно отмечены недостатки вступительной статьи и примечаний к сборнику И. В. Карнауховай «Сказки и предания Северного края». Сравнительно большой раздел посвящен сказочнику М. М. Коргуеву, но анализируется лишь одна сказка такого интересного сказочника, как Господарев. Особенное внимание в этом разделе привлекают замечания В. Г. Базанова по поводу метода записи фольклора и, в частности, сказок. Автор совершенно справедливо отдает первенство экспедиционному методу перед «методом А. Н. Нечаева», когда сказочник исполняет сказки в кабинете фольклориста, без слушающей его среды. Глава (а вместе с ней и вся рецензируемая книга) заканчивается разделом о мотиве борьбы жизни со смертью в сказках Карелии.

Примечания и краткая библиография заключают собой книгу. Библиография дана тематически по жанрам, отдельно источники и исследования. Вызывает недоумение раздел, озаглавленный «Литература о сказителях», — под сказителями здесь разумеются исполнители и былин, и сказок. Вряд ли такое смешение терминов оправдано, тем более, что в книге автор последовательно употребляет определение «сказочник».

Касаясь оформления книги, отметим отсутствие карты Карелии. Автор очень часто упоминает о Пудожье, Заонежье, Пинеге и т. д. Что без карты могут сказать эти географические названия читателю-неспециалисту? К числу недостатков книги следует отнести и отсутствие словаря местных слов, как например: «корзни», «обжи», «в зени» и др.

Отметим прекрасный язык книги. Она читается с большим интересом, легко и увлекательно. Автор сумел найти нужную, доходчивую форму повествования. Книга пробуждает интерес к фольклору, к изучению своего народа, к прошлому нашей страны, — и в этом ее основное достоинство. Книга тщательно прокомментирована, с точки зрения научной документации производит вполне благоприятное впечатление и, конечно, может быть использована не только в плане общеобразовательном, но и в научно-исследовательской работе.

Л. Пушкарев, Л. Старцева

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

M. Ulehlová-Tilschová, *Česká strava lidová*, Vydavatelstvo Družstevní práce v Praze, 1945, 637.

Одной из задач автора, известного своими работами по гигиене питания, было рассмотрение народной чешской кухни именно с этой точки зрения. Однако автор освещает и ряд других вопросов, связанных с народной пищей и представляющих большой интерес для этнографа. Улеглова-Тильшова использовала обильный материал, почерпнутый ею в этнографических, исторических и археологических работах о народной пище у чехов. Автор, кроме того, в 1940 г. в газете *Lidové poviny* опубликовал особую анкету «Hledáme kořeny lidové výživy». Ответы на эту анкету дали большой материал, который также был использован Улегловой-Тильшовой в рецензируемой нами книге.

В ее первых трех главах даются сведения о продуктах, две последние говорят о пище. Далее следует заключение, послесловие, обширный список использованной литературы.

В I главе («В лесу и у воды») мы встречаем ряд интересных сведений о добычании пищи, восходящих к стадии собирательства: собирание ягод, орехов, грибов, подсочка деревьев для получения древесного сока и др. О важности для этнографа сведений, восходящих к этой стадии, недавно упоминал чешский этнограф А. Вацлавик в статье «Slovanské proky v české lidové kultuře», помещенной в сборнике «Slovanství v českém národním životě. Sborník úvah profesorů Masarykovy university. Redigoval Prof. Dr. Josef Macůrek. Rovnost — Brno, 1947. А. Вацлавик указывает, что у германских народов, в противоположность славянам, собирание грибов не было распространено. В доказательство древнего потребления грибов в пищу чехами Улеглова-Тильшова ссылается не только на свидетельства древних письменных памятников, но и на то, что в Чехословакии грибы являются непремной принадлежностью обрядовых кушаний. Интересные сведения находим о лечебных травах и о связанных с ними народных поверьях (сведения о народной медицине см. также на стр. 552—553).